

Избери пути ее

Не было ничего, кроме меня самой.

Я пребывала вне времени и пространства, вне света и тьмы, в бездне, не имеющей измерений и очертаний. Я обрела бытие, но не форму; сознание, но не чувства; разум, но не память. Я хотела знать: неужели это бесцветное ничто — моя душа? Мне казалось, что я хотела знать это всегда и буду желать знать это вечно.

Но внезапно безвременно кончилось. Я почувствовала, что появилась некая *сила*. Меня куда-то потащили, и ощущению внепространственности тоже пришел конец. Ничто не свидетельствовало о том, что я двигалась; я просто знала, что меня куда-то тащат. Я была счастлива, поскольку знала, что существует кто-то или что-то, к чему я хотела быть доставлена. У меня не было других желаний, кроме как вращаться, как стрелка компаса, и падать в бездонные глубины...

Но меня обманули. Вместо мягкого, гладкого скольжения меня вдруг стало резко бросать из стороны в сторону. Я не знала, откуда мне это было известно; снаружи не было никакой зацепки, отправной точки, даже направления. И все же я ощущала, что меня мотает туда-сюда, словно вопреки сопротивлению некоего внутреннего гироскопа. Каза-

лось, одна сила прикладывалась ко мне на мгновение лишь для того, чтобы ослабнуть и передать меня во власть другой силе. Затем я плавно скользила до некоей точки, пока меня не задержали и не направили в другом направлении. Я следовала то одним, то другим курсом, ощущая, что осознание происходящего постепенно крепнет во мне. Я хотела понять, не сражаются ли за меня сейчас какие-то враждебные друг другу силы, добро и зло например, или жизнь и смерть...

Чувство противоборства двух противоположных сил становилось все более отчетливым, пока меня вдруг чуть ли не перебросило с одного курса на другой. Затем внезапно ощущение борьбы прекратилось. Меня вдруг потащило куда-то со все возрастающей скоростью, словно блуждающий астероид, который наконец попал в ловушку чьего-то напряжения...

— Все в порядке, — произнес чей-то голос. — Хотя восстановление жизненных функций произошло почему-то с задержкой. Надо бы сделать отметку в ее карте. Какой у нее номер? Ах, у нее это всего лишь в четвертый раз. Да, обязательно сделай отметку. Все в порядке, она приходит в себя!

Это был женский голос с немного странным акцентом. Поверхность, на которой я лежала, зашаталась подо мной. Я открыла глаза, увидела то надвигающийся, то отдаляющийся от меня потолок, и вновь позволила им закрыться. Наконец другой голос, вновь с незнакомой интонацией, сказал мне:

— Выпейте вот это.

Чья-то рука подняла мою голову, и к моим губам прикоснулась чашка. Выпив ее содержимое, я снова закрыла глаза и откинулась назад. Подремав не-

много, я проснулась окрепшей, некоторое время я лежала, разглядывая потолок, и гадала, где я нахожусь. Окрашенный в кремово-розоватый цвет потолок не вызывал у меня никаких ассоциаций. Затем мой мозг внезапным уколом пронзила мысль — дело в незнакомом розоватом потолке. *Все* мне было в новинку. Там, где должны были находиться воспоминания, зияла лишь огромная дыра. Я не имела ни малейшего понятия о том, кто я и где я; я не могла вспомнить, как и почему попала сюда... В приступе паники я попыталась сесть, но чья-то рука заставила меня вновь лечь, и к моим губам вновь поднесли чашку.

— С вами все в порядке. Просто расслабьтесь, — успокаивающе произнес тот же голос.

Мне хотелось задать множество вопросов, но на меня вдруг как-то разом навалилась усталость, и все показалось недостойным беспокойства. Первый приступ паники прошел, оставив после себя безразличие. Мне хотелось узнать, что со мной произошло — быть может, я попала в аварию? Или подобное происходило с каждым, кто испытал сильный шок? Я не имела ни малейшего понятия, и в данный момент несколько меня не тревожило: обо мне заботились. Меня так клонило ко сну, что вопросы могли и подождать.

Думаю, я задремала и проснулась через несколько минут, возможно через час. Мне только известно, что когда я вновь открыла глаза, то почувствовала себя намного спокойнее — теперь скорее заинтригованной, чем встревоженной, — и некоторое время лежала неподвижно. Сейчас я обладала достаточным присутствием духа, чтобы внушить самой себе мысль, что если авария и произошла, то, по крайней мере, у меня ничего не болело.

Мало-помалу ко мне возвращалась энергия, а с ней любопытство — где же я находилась. Я повернула голову на подушке, чтобы оглядеться.

В нескольких футах от себя я увидела странное сооружение на колесах — нечто среднее между кроватью и тележкой. На нем спала с открытым ртом самая громадная женщина из всех, что мне приходилось видеть. Я недоуменно уставилась на нее, пытаясь разглядеть какой-нибудь каркас над ней, поддерживающий покрывало, что придавало ей столь внушительный вид, но вздымающаяся в такт ее дыханию грудь показала мне, что такового нет. Посмотрев затем в глубь комнаты, я увидела еще две тележки, на которых лежали столь же громадные женщины.

Я внимательно рассмотрела ближайшую и, к своему удивлению, обнаружила, что та весьма молода — по моим прикидкам, ей было не больше двадцати двух — двадцати трех. Ее лицо выглядело слегка оплывшим, но ни в коем случае не толстым. В действительности, благодаря свежему здоровому цвету лица и коротким золотистым кудряшкам, она казалась мне весьма хорошенькой. Я принялась гадать, что за странная болезнь гланд могла вызвать подобную аномалию в ее возрасте.

Прошло минут десять, и послышался звук приближающихся быстрых деловитых шагов. Чей-то голос осведомился:

— Как вы сейчас себя чувствуете?

Я повернула голову в другую сторону и встретила взглядом с чьими-то глазами, находящимися практически на уровне моих. На секунду я подумала, что передо мной ребенок, но затем разглядела, что, судя по чертам лица под белой шапочкой, ей было

не меньше тридцати лет. Не дожидаясь ответа, она сунула руку под покрывало и нащупала мой пульс. Его частота, видимо, удовлетворила ее, поскольку она утвердительно кивнула.

— Теперь все будет в порядке, Мама, — сказала она мне.

Я тупо уставилась на нее.

— Машина ждет нас прямо у порога.

— Вы как, сможете до нее дойти? — спросила она.

— Какая машина? — растерялась я.

— Ну, чтобы отвезти вас домой, конечно, — ответила она с профессиональным терпением. — Пойдемте же.

И она отбросила покрывало.

Я подалась вперед и невольно опустила взгляд. Открывшееся зрелище заставило меня замереть. Я подняла руку. Больше всего она смахивала на пухлый белый диванный валик с прилепленной на конце до смешного маленькой ладошкой. Я в ужасе уставилась на нее. Затем я услышала отдаленный вскрик и упала в обморок...

Когда я вновь открыла глаза, передо мной была женщина — нормальных размеров женщина — в белом халате со стетоскопом на шее, которая озадаченно рассматривала меня. Женщина в белой шапочке, которую я сперва приняла за ребенка, стояла сбоку, едва доставая той до локтя.

— ...я не знаю, Доктор, — говорила она. — Она просто вдруг вскрикнула и потеряла сознание.

— В чем дело? Что со мной случилось? Я знаю, что я не такая. П-пожалуйста, с-скажите мне... — умоляла я ее, внезапно начав заикаться и мямлить.

Врач участливо положила мне руку на плечо.

— Все в порядке, Мама. Вам не о чем беспокоиться. Старайтесь не волноваться. Мы скоро доставим вас домой.

Другая ассистентка в белой шапочке, ростом не выше первой, подскочила со шприцем в руке и протянула его врачу.

— Нет, — запротестовала я. — Я хочу знать, где я нахожусь. Кто я? Кто вы? Что случилось со мной?

Я попыталась выбить у нее шприц, но обе крохотные ассистентки повисли на моей руке и держали ее, пока вторая вводила иглу.

Это было действительно успокоительное. Оно не отключило меня, но притупило ощущения. Странное чувство: я словно парила в нескольких футах над самой собой и разглядывала себя с неестественным хладнокровием. Я была способна, или мне это только казалось, с предельной ясностью оценить ситуацию...

Скорее всего я страдаю от амнезии. Какое-то потрясение заставило меня «потерять память», как это принято называть. Судя по всему, утеряна лишь крохотная часть моей памяти, в которой содержались сведения о том, кто я, чем занимаюсь, где живу... все навыки, позволявшие поддерживать повседневную жизнь, похоже, остались нетронутыми: я не забыла, как говорить или как думать, и, кажется, наделена весьма пытливым умом.

С другой стороны, меня не покидало назойливое ощущение: со мной что-то не так. Я откуда-то *знала*, что я никогда прежде не была в этом месте. Я также *знала*, что есть нечто неправильное в присутствии здесь тех двух миниатюрных сиделок; самое главное, я была абсолютно уверена в том, что лежавшая здесь туша не имела ничего общего со мной. Я не мог-

ла вспомнить лицо, которое мне следовало видеть в зеркале, даже то, была ли я блондинкой или брюнеткой, пожилой или молодой, но у меня не было ни тени сомнения в том, что какой бы я ни была, мой внешний вид не имел ничего общего с моим нынешним обликом.

...И тут были и другие громадные молодые женщины. Ясное дело, нас не могла всех поразить в одночасье дисфункция желез, иначе не было бы и речи о возвращении меня «домой», где бы он ни был...

Я все еще продолжала хладнокровно (спасибо успокоительному!) обдумывать сложившуюся ситуацию, хотя и без всякого прогресса, как вдруг потолок над моей головой снова пришел в движение, и я поняла, что меня куда-то покатали. В конце комнаты распахнулись двери, и тележка слегка наклонилась вперед, въехав на пологий спуск.

Внизу нас ожидала машина наподобие кареты «Скорой помощи» с распахнутыми задними дверцами, за которыми виднелась выкрашенная в кремово-розовый цвет истертая до блеска койка. Я механически отметила, что все происходящее напоминает вполне обычную процедуру. Восемь миниатюрных ассистенток проворно перетащили меня с тележки на жалобно скрипящую койку в «Скорой». Две из них задержались — поправили на мне одеяло и положили еще одну подушку под голову. Когда двери за ними захлопнулись, машина, подождав пару минут, тронулась с места.

С этого момента — возможно, за это тоже следовало благодарить успокоительное, — во мне стало расти и крепнуть чувство определенной уверенности и способности контролировать ситуацию. По всей вероятности, думала я, со мной все же *произо-*

шел несчастный случай, но моей ошибкой и основным источником моей тревоги явилось то, что я неправильно оценивала свое состояние. Истина скорее всего состояла в том, что я до сих пор окончательно не пришла в себя. Наверное, через какое-то время после... после какой-то катастрофы я... мне лишь начало казаться, что я пришла в сознание, но реально я была лишь в состоянии, близком к сознанию, своего рода сне, галлюцинации, и рано или поздно обязательно проснусь в каких-то нормальных условиях, может быть, и незнакомых, непривычных для меня, но укладываемых в нормальные человеческие представления.

Я удивилась, как такая простая и разумная мысль не пришла мне в голову раньше, и в конце концов решила, что в панический ужас меня ввергла детальная реалистичность происходящего вокруг меня. Как это было глупо с моей стороны и вправду поверить, что я стала каким-то... каким-то Гулливером среди лилипутов-переростков! В пользу данного предположения говорило также и то, что для большинства снов была характерна утрата представлений о собственной личности, так что удивляться было нечему. Мне оставалось лишь искать в происходящем символический смысл, над которым будет интересно поразмыслить позднее.

Данное открытие изменило мое отношение к окружающему, и я стала оглядываться по сторонам с повышенным интересом. Меня не переставала поражать детальная реалистичность, полное отсутствие зыбкости, туманности в восприятии, какая обычно бывает во сне. Все вокруг было... предельно ясным, отчетливым, реальным. Мои собственные ощущения тоже были очень реальны... например не-

давний укол... Данная достоверность побудила меня фиксировать в мозгу каждую мелочь.

Внутри «Скорая» была выкрашена в такой же розовый цвет, как и снаружи, только потолок отливал голубизной, и по нему там и сям были разбросаны серебряные звездочки. На передней стенке было несколько шкафчиков с одинаковыми ручками. Моя койка помещалась слева, с другой стороны были два миниатюрных креслица из какого-то полупрозрачного, тоже розоватого материала. Обе стенки представляли собой длинные, широкие окошки с розовыми сетчатыми занавесками. Поворачивая голову на подушке, я могла рассматривать местность, по которой мы ехали. Машина все время подпрыгивала — либо подвеска просто не справлялась с такой нагрузкой, или дорога была на редкость разбитой. Как бы то ни было, моя койка, к счастью, стояла на собственных, достаточно жестких амортизаторах.

Вид за окном не отличался особым разнообразием. По обеим сторонам дороги, за аккуратно подстриженными лужайками, рядами высились одинаковые строения — блоки. Каждый блок был ярдов пятидесяти длиной, высотой в три этажа и заканчивался низковатой черепичной крышей в итальянском стиле. Блоки были абсолютно одинаковые по конструкции, но разные по цвету. Местность вокруг была почти безлюдна, лишь изредка мелькал женский силуэт — фигура в рабочем комбинезоне, косящая траву по бокам дороги или склонившаяся над цветочной клумбой.

Ярдах в двухстах от дороги стояли более высокие, большие, не столь ярко раскрашенные блоки, над некоторыми из них высились... что-то вроде заводских труб. Может, это и впрямь были какие-то

фабрики, но из-за находящихся на переднем плане зданий мне их толком рассмотреть не удавалось.

Дорога, по которой мы ехали, все время петляла, словно повторяла некий узор, а не вела куда-то, встречного транспорта почти не было, лишь изредка проезжали грузовики, большей частью довольно внушительного вида. Все они были выкрашены в какой-то один цвет и отличались друг от друга лишь разными пятизначными комбинациями из цифр и букв. По виду вполне обычные грузовики, какие можно увидеть где угодно.

Так, петляя, мы не торопясь ехали минут двадцать, пока на одном из поворотов не наткнулись на ремонтируемый участок дороги. Машина притормозила, и рабочие сошли на обочину, давая нам возможность проехать. Пока мы ползли по разбитому покрытию, я успела их хорошенько разглядеть. Это были женщины или девушки, одетые в рабочие штаны из джинсовой ткани, фуфайки без рукавов и грубые башмаки. Волосы у всех были коротко острижены, некоторые были в кепках. Все как на подбор были высокие, с загорелыми, пышущими здоровьем лицами, с широкими плечами и мужскими мускулистыми руками.

Поначалу они смотрели лишь на машину, осторожно ползущую по ухабам и рытвинам, но, когда мы поравнялись с ними, они стали заглядывать в окна.

При виде меня все широко заулыбались и как по команде подняли правые руки в каком-то ритуальном салюте. Их лица были так откровенно приветливы и доброжелательны, что я невольно улыбнулась в ответ. Они шли по ходу машины, соблюдая определенную дистанцию, и продолжали смотреть на меня

как-то выжидающе: улыбки на их лицах стали сменяться удивлением. Они переговаривались между собой, но слов я, конечно, не слышала: некоторые опять вскинули руки в ритуальном жесте. По их разочарованным лицам я поняла, что от меня ожидали чего-то большего, чем просто ответная улыбка. Мне пришло в голову вскинуть руку в точно таком же «салюте» — это сразу подействовало, лица прояснились, но налет удивления все же остался. Наконец машина выехала на ровную дорогу, набрала скорость, и удивленные, чем-то озабоченные лица рабочих скрылись из виду. Что-то они должны были символизировать в моем сне, с чем-то ассоциироваться... Но символы эти казались мне странными, необычными, не укладывающимися в... Хотела бы я знать, что именно в моем подсознании вызвало это видение — команда дружелюбно настроенных амазонок, встречающих меня каким-то военно-морским салютом вместо обычных кивков и приветствий? Может, подавленное желание доминировать? Или я просто чем-то расстроена? Пока я раздумывала над этим, мы миновали последнюю вереницу блочных строений и выехали на открытую местность.

Передо мной простирались зеленые пастбища, аккуратные, местами зеленеющие пашни, живые изгороди, над которыми вился какой-то зеленоватый туман, деревья и кустарники с молодыми побегами. Яркое весеннее солнце освещало эту местность, возделанную и распланированную с такой аккуратностью, какая могла быть, как мне казалось, лишь на картинке, только изредка мелькавшие среди полей силуэты коров нарушали строгий геометрический узор. Небольшие домики точно вписывались в «узор»: одинаковые по внешнему виду, на

одинаковом расстоянии друг от друга, с одинаковыми огородами по одну сторону и садиками — по другую. Что-то кукольное было во всем этом — кукольное и излишне упорядоченное. Ни один коттедж, сарайчик или пристройка не выбивались из общей картины. Интересно, что может означать столь очевидное подсознательное стремление к аккуратности и порядку? Возможно, я была не слишком уверенной в себе личностью, что подсознательно стремилась к простоте и защищенности? Так, так.

Из окна я увидела, как открытый грузовик, следовавший впереди нас, круто свернул на узкую дорогу с красивыми живыми изгородями по обеим сторонам, ведущую к аккуратненькой ферме. Возле фермы толпились с полдюжины молодых женщин с какими-то инструментами в руках — вновь амазонки. Одна из них обернулась, что-то сказала своим подругам, и все уставились на нас, подняв руки в том же «салюте», как и те, на дороге. Я помахала им в ответ.

«Нелогично... — мелькнула у меня мысль, — амазонки, как символ превосходства... и весь этот ландшафт, олицетворяющий пассивную подчиненность... Не вяжется друг с другом...»

Мы миновали ферму и не спеша поехали дальше. Так прошло примерно три четверти часа, а пейзаж за окном оставался практически неизменным и, казалось, простирался вплоть до самого горизонта, где виднелись очертания низких гор, подернутых голубоватой дымкой. С периодической аккуратностью возникали в окне небольшие домики — фермы, иногда мелькали группы людей, работающих в поле, реже встречались одинокие фигуры, снующие вокруг домиков, возящиеся с тракторами, но и те и другие

были слишком далеко, чтобы разглядеть их как следует. Вскоре, однако, начались изменения.

Слева от дороги показался длинный ряд деревьев — поначалу я подумала, что это обыкновенный лес, но потом заметила, что деревья посажены стеной, верхушки у всех одинаково подрезаны — так что этот ряд походил больше на искусственный забор, конец которого (или начало) начинался метрах в пятнадцати от дороги. Машина свернула налево и, остановившись перед высокими воротами, выкрашенными розовой краской, пару раз просигналила.

Ворота были сварены из железа и покрыты орнаментом, проступавшим сквозь розовую краску. Проем, в котором они висели, был оштукатурен и покрашен в тот же цвет.

Откуда и почему взялось это обилие розового, я не могла понять. Розовый цвет всегда казался мне пошловатым. Цвет плоти? Символ пылкой страсти? Вряд ли, тогда был бы ярко-красный... Я не представляла себе розовую страсть...

Пока мы ждали у ворот, во мне росло чувство, будто с домиком сторожа что-то не в порядке. Это было одноэтажное здание, пристроенное слева ко внутренней части проема ворот и выкрашенное в тот же цвет. На окнах с бледно-голубыми переплетами висели аккуратные занавесочки. Дверь отворилась, и на улицу вышла средних лет женщина в белом рабочем комбинезоне с непокрытой головой. В коротко стриженных темных волосах кое-где пробивались седые пряди. Увидев меня, она подняла руку в том же «салюте», что и амазонки, но без особого пыла, и направилась к воротам. Только когда она открыла их, чтобы впустить нас, я поняла, что она едва